

Заключение

В нашей работе мы рассмотрели литературные и фольклорные тексты, в той или иной степени касающиеся темы христианизации народа коми. Впервые эта тема оказалась в поле зрения читателя благодаря сочинению Епифания Премудрого «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом» (Епифаний 1996), в котором тема обрела самостоятельную ценность и стала открытой для дальнейших осмыслений. Епифаний был первым, кто увидел в одинокой деятельности ростовского монаха Стефана продолжение деяний апостолов и представил её как целостную историю христианизации народов Перми, как единый сюжет, развитие которого совпадает с перипетиями биографии самого Стефана Пермского. Вместе с тем, произведение Епифания – это и картина современной ему русской действительности, особенно той её части, которая касается церковной жизни, а также и картина жизни Вычегодской Перми: её географического расположения, общественного устройства, аутентичной религии, обычаев, образа коми народа. Эти особенности ЖСП, обусловили более широкое прочтение произведения, нежели текст памяти о Стефане Пермском. Довольно рано ЖСП стало восприниматься в качестве источника сведений о Северных территориях исторического, этнографического и даже географического характера. Соответственно, появляются две трактовки личности Стефана Пермского: согласно первой из них, Стефан является православным святым, продолжателем дела апостолов и св. Константина-Кирилла; согласно второй, Стефан является политическим деятелем, усилиями которого к Московскому княжеству были присоединены огромные территории Северо-востока, ранее принадлежавшие новгородской юрисдикции. Таким образом, сюжет христианизации пермян, созданный творческим гением Епифания Премудрого, изначально интерпретируется как исторически верное изложение последовательности событий христианизации коми народа. Благодаря этому сюжет неоднократно воспроизводится в последующих литературных и исторических текстах, а также трансформируется в серии различных фольклорных мотивов.

Содержанием «Жития» Епифания является культ Стефана Пермского как равноапостольного святого, следовательно, в центре повествования – формирование личности Стефана соответственно этой концепции. Равноапостольность предполагает известную самостоятельность христианской традиции, поскольку её основание связано с деятельностью святого, приравненной деяниям апостолов Иисуса Христа. Для обоснования равноапостольности Стефана Епифаний строит повествование на известных параллелях с Житием Кирилла. Характер подвижничества Стефана связан с непрерывным учением, самосовершенствованием, это новый для послемонгольской Русской Церкви тип *образованного* святого, какого доселе не было и ещё долгое время не будет. Именно образованность является главной точкой соприкосновения между образами Стефана и Константина-Кирилла: и Стефан, и Константин с детства отличаются высоким интеллектом, любознательностью, приверженностью к книжным занятиям, скоростью постижения смыслов, что соответствует идее постижения Бога через разум, мудрость, книжность. Через параллели с житием Константина Епифаний коррелирует духовные помыслы Стефана и с деяниями первых апостолов. Агиограф показывает Стефана прилежным учеником апостолов, выстраивающим свою жизнь согласно их предписаниям. Особое место в повествовании занимают цитирования из деяний Павла, образ которого в контексте повествования являет собой духовный идеал, наиболее отвечающий устремлениям Стефана. Это не случайно, поскольку учение апостола Павла играло доминирующую роль в сложении доктрины апостольской преемственности славянских первоучителей Константина-Кирилла и Мефодия. В связи с этим Епифаний придаёт большое значение вопросу о языке Стефановской проповеди. Епифаний пишет, что Стефан, находясь в ростовском монастыре, самостоятельно изучил пермский язык, составил для него азбуку и перевёл на пермский язык богослужебные книги.

По Епифанию, историческая роль Стефана в христианизации Перми – это осуществление воли Бога, возложившего на него апостольскую миссию, как некогда на первых апостолов. Епифаний перечисляет деяния апостолов и делает вывод о том, что поскольку апостолы «в Перми не успеха быти», то их миссия возлагается на Стефана. Определённая таким образом преемственность просветительской деятельности Стефана апостольской традиции, его *равноапостольность*, служит для Епифания оправданием созданной Стефаном пермской письменности. Епифаний сравнивает творчество Стефана с творчеством равноапостольного Кирилла и приходит к выводу, что грамоты, созданные ими, лучше эллинской, которая создавалась язычниками, в то время как и Кирилл, и Стефан – угодники Божьи.

Сравнение деятельности Стефана и Кирилла имеет ещё один смысловой план: таким образом утверждается главный аспект деятельности Стефана – основание национальной пермской Церкви с богослужением на пермском (коми) языке, как некогда Кириллом было обосновано право славян на известную церковную автономию с литургическим славянским языком. Анализ ЖСП показывает, что, с точки зрения Епифания, успех миссии Стефана целиком зависел от его личных качеств, его труженичества, благодаря которому святой получил поддержку благодатного воздействия Бога. Тема труженичества в «Житии» раскрывается через ряд последовательно расположенных в сюжете пар мотивов: молитва – проповедь (поучение), построение церквей – разрушение кумирниц, обучение в школе – полемика с волхвами. Эти сюжетные мотивы, в сущности, отражают методы миссионерской практики Стефана на начальном этапе христианизации. После установления епархии тема труженичества раскрывается уже в ряде других мотивов, и прежде всего это тема епископского служения Стефана крещённым им людям. Оценивая деятельность Стефана как равную апостолам, Епифаний видит его задачу не только в крещении пермян, он вводит в повествование образ пермской Церкви, начало которой было положено возведением первого на Пермской земле храма Благовещения Богородицы, а спустя некоторое время – первыми рукоположениями местной иерархии. Этот аспект действий Стефана имеет непосредственное отношение к кирилло-мефодиевскому образцу: основание национальной пермской Церкви с литургическим коми языком коррелирует с обоснованием Кириллом права славян на известную церковную автономию со славянским языком богослужения.

Относительно сочинения Епифания кирилло-мефодиевский образец выполняет роль «агиографического субстрата». По определению, агиографический субстрат – это передающий смысл культа святого информационный код, в соответствии с которым располагается фактический материал в житии (Лурье 2009: 54–58). Епифаний строит биографию Стефана, ориентируясь на Житие Константина Философа и сохраняя основные «прописи» жития просветителя славян: как и Константин, Стефан с раннего детства испытывает приверженность к образованности, как он же, получает прозвище «Философ», обретает чудесным образом знание чужого языка и грамоты, проповедует Слово Божье на народном языке, участвует в полемиках о вере. Даже эпизод с уничтожением Константином священного языческого дерева – фульского дуба – имеет параллель в поздней Повести о Стефане Пермском в эпизоде рубки святителем «прокудливой» берёзы. В результате, история о жизни и деятельности Стефана Пермского, включая крещение пермян, создание Пермской церкви и письменности на пермском языке, репрезентируется как продолжение истории христиа-

низации славянских народов, Руси, шире – истории деяний апостолов и входит в контекст всеобщей библейской истории.

В то же время сюжет ЖСП строится хотя и с учётом прописей ЖК, но в той последовательности событий, которая представлялась Епифанию исторической. Кроме того, сами прописи заполняются по мере возможности теми достоверными сведениями, о которых Епифаний говорит в начале своего повествования: «оба слухом услышах; оба же от учеников уведях; иже о учительстве, управленьи; есть же другое, яко же своима очима увидех...» (Епифаний 1996: 50). Упрекать Епифания в том, что он использовал в тексте ЖСП мало достоверных исторических сведений, как это было принято историками (см. Ключевский 1871: 95), очевидно, бессмысленно. Епифаний, как раз наоборот, отразил все наиболее значимые факты христианизации Перми и придал им смысл событий вселенского масштаба.

Смысловым центром сюжета христианизации, по Епифанию, является создание Стефаном Пермским азбуки-анбура и перевод на пермский язык богослужбной литературы. Таким образом, христианство распространяется среди пермян путём просвещения, через литературную традицию. Это, с одной стороны, связывает христианизацию пермян-коми с кирилло-мефодиевской традицией, с другой стороны, определяет её особенность, выделяет из традиций крещения других народов Европы. Письменность на пермском языке просуществовала порядка двух столетий, прежде чем в пределах бывшей Стефановской епархии окончательно не утвердился славянский язык богослужения. Схема эволюционного пути коми письменности от стефановских переводов до оригинальных книжных текстов на коми языке оказалась прерванной в пользу следования древнерусским книжным образцам.

Наше исследование показало, что в целом литература Пермской епархии продолжает епифаниевскую традицию изображения событий крещения коми, но в то же время появляются иные модификации сюжета христианизации, включающие в сюжет фольклорные мотивы и агиографические клише. Это касается таких мотивов, как уничтожение языческой берёзы, ослепление язычников, в сюжете христианизации появляются новые персонажи (Герасим, Питирим, Иона, Фалалей), продолжающие дело просвещения коми народа (пермян). В связи с распространением культа Стефана Пермского в пределах Пермской епархии, сюжет христианизации из литературной традиции переходит в устное бытование.

В области устного бытования сюжет христианизации получает новые смысловые импульсы, идущие от коми фольклорной традиции, корни которой уходят вглубь языческой мифологии крещёных Стефаном пермян. В сложении фольклорного образа Степана-крестителя и фольклорных легенд мифологические

сюжеты и образы имеют большое значение. В поэтической системе легенд о крещении они образуют символический код, анализ которого даёт возможность выявить и понять онтологические проблемы генезиса и функционирования этих текстов. При этом на формирование легенд о Степане непосредственное влияние оказывает и аутентичный мифологический топос, увязывающий представления о событиях крещения с представлениями о сотворении мира. В связи с этим, мы рассмотрели корпус устных нарративов, имеющих отношение к языческой картине мира. Это, прежде всего, представления о Богине Матери, реконструируемые по данным фольклора, космогонические легенды, имевшие хождение в фольклоре коми в составе контаминаций архаических сюжетов с библейскими и апокрифическими элементами, эсхатологические легенды. Выяснилось, что легендарные тексты определяются как сюжет «священной истории» от сотворения мира, включая тексты, связанные с этнической системой актуальной религиозности, вплоть до эсхатологических рассказов. Эти нарративы вкупе с другими фольклорными текстами, начиная со второй половины XIX века, служили источниками для реконструкций языческого мировосприятия коми народа, а в дальнейшем использовались коми писателями в литературно-художественном творчестве. Необходимость этой части исследования диктуется и тем, что разработанные в этих текстах образы и мотивы являются субстратными по отношению к ряду фольклорных мотивов и образов, в том числе и относительно легенд о крещении. Это касается мотивов путешествия, плавания, магического состязания, разработанных в контексте мифологии и оказавших существенное влияние на формирование структуры и образной системы текстов о Степане-крестителе.

Репрезентации сюжета христианизации в фольклоре коми связаны со становлением христианского религиозного сознания и в первую очередь с распространением культа Стефана Пермского в народной среде. Тексты о крещении и о Степане-крестителе в первую очередь связаны с культом Стефана Пермского, или, точнее, с народной версией культа. В связи с этим, все тексты о крещении мы отнесли к жанру легенд, символический смысл которых заключается в народном объяснении причин почитания святого. Анализ легенд о крещении позволил нам выделить четыре основных тематических группы нарративов: 1) легенды о крещении чуди с мотивами крещения и самопогребения чуди, бегства чуди, гибели чудинок, чудских кладов; 2) легенды о путешествиях Степана с мотивами плавания по реке на камне, номинации населённых пунктов, нарицания аборигенов прозвищами, пророчеств; 3) вымские легенды книжного происхождения с мотивами ослепления язычников, возведения горы, рубки священной берёзы; 4) легенды о магических состязаниях Степана с языческими волхвами. Сюжеты формируются, как правило, в пределах тематической группы

в результате присоединения и комбинирования мотивов, образуя различные сюжетные модификации. Ядерной структурой для сюжетов всех групп является деятельность Степана по крещению, инициирующая реакцию его языческих контрагентов.

Анализ легенд о чуди позволил решить вопрос о происхождении на коми почве самого термина *чудь* и связанного с этим термином круга текстов. Мы показали, что термин имеет конфессиональное значение и обозначает язычников-коми, не принявших христианства. Основные мотивы чудских легенд коми – мотивы самопогребения и миграции чуди – в целом сходны с русскими, разница в том, что в русских преданиях эти мотивы зачастую сопровождаются мотивом насилия над чудью, в то время как коми легенды отождествляют чудь с некрещёными предками. Генезис мотива самопогребения связан с представлениями о первопредках, живших в начале времён. В связи с этим рассмотрены и проанализированы тексты о карликовой чуди, как правило, остающиеся без внимания исследователями. Анализ текстов о карликовой чуди показывает, что в данном случае мы имеем дело с разновидностью космогонического мифа, описывающего космогенез как гибель мира первопредков-карликов, после которого формируется мир, современный рассказчику. Миф о первопредках, ушедших в землю, закрепляется в фольклорном сознании русских колонистов как мотив самопогребения первоначальников края – чуди.

Образ Степана Пермского – единственный фольклорный образ, общий для разных коми локальных традиций. Устные рассказы о его путешествиях распространены по всей Вычегде, на Сыsole, Выми, Мезени и Вашке, а также на верхней Печоре и Каме. Легенды этого типа являются повествованиями о событии происхождения географического названия, сельского прозвища, предсказания о судьбе села – связываемых традицией с образом Степана. Результаты исследования этих текстов сводятся к следующему: легенды содержат информацию о каком-либо событии христианизации, связанном с именем Степана. Это может быть чудо, явленное Степаном, столкновение с язычниками-чудью, туном, и важно, что данная информация фиксируется в местной топонимике. Текстовый материал показывает, что в некоторых регионах, таких как, к примеру, вычегодско-вымский, почти каждая сельская локальная традиция содержит свой комплекс текстов о Степане и крещении язычников. Обязательными для этого круга являются тексты о чуди с мотивом происхождения чудских топонимов (чудских могил, городищ, холмов и т. п.), а также сюжеты о происхождении топонима, прозвищ жителей села, пророчеств о судьбе села, связываемые с деятельностью Степана-крестителя. События крещения связываются традицией с нулём космологического времени, где небесное смыкается с земным. Точкой, в которой сходятся небесное и земное, является образ Степана, формирующего

на земле координаты пространства, соответствующие неким небесным образцам. Таким образом, топонимия, связанная с именем и деятельностью Степана (Стефана Пермского) имеет свойства сакральной географии, структурирующей пространство носителей традиции в соответствии с его культом.

При рассмотрении генезиса легенд о Степане немаловажной оказывается проблема взаимовлияния литературных и устных текстов. Нами были рассмотрены три сюжетных мотива устных легенд – ослепление язычников, возведение горы, рубка священной берёзы Степаном, – имеющих параллели в основных эпизодах «Повести о Стефане Пермском» и в «Вычегодско-вымской летописи». Очевидно, источниками данных эпизодов Повести стали устные тексты, составлявшие местное церковное предание, складывавшееся по мере становления основных параметров культа св. Стефана Пермского в течение XV–XVII вв. В Повести эти эпизоды получили более детальную проработку и в дальнейшем перешли в устное бытование в виде серии легенд о рубке Степаном берёзы, ослеплении напавшей на него чуди и возведении горы.

Особенностью вымской фольклорной традиции является традиция рассказывания эпических повествований об истории крещения коми-чуди. Такое повествование строится по типу исторического рассказа и отличается панорамным охватом всей истории крещения, когда рассказчик свободно переходит от описания местных легендарных событий к событиям, происходившим в других регионах. Соответственно, в состав рассказа может входить сколь угодно много эпизодов, располагаемых в повествовании в виде сюжетных блоков, соединяемых в единый сюжет мотивом плавания Степана на камне. В качестве основных единиц сюжета, как правило, используются мотивы уже описанных трёх тематических групп, в качестве обязательных эпизодов включаются перечисленные мотивы рубки Степаном берёзы, ослепления чуди и возведения горы, также включаются дополнительные эпизоды, связанные с сюжетными мотивами об устьвымских святых Герасиме, Питириме и Ионе, а также о Георгии Победоносце, имеющих явные агиографические истоки. Анализ материалов показывает, что известная легенда о противостоянии братьев Кёрт-Айки и Князя Степану имеет в качестве прототекста произведение Михаила Лебедева «Кёрт-Айка – Железный свекор. Зырянское предание», опубликованное в 1910 году в г. Усть-Сысольске.

Легенды четвёртой тематической группы по своим структурным качествам сходны с нарративами, определёнными А. С. Сидоровым как «колдовской эпос». В основе сюжета тех и других текстов лежит так называемый мотив колдовского состязания, когда вступившие в поединок колдуны бьются друг с другом, используя магические средства. Включив в качестве положительного героя Степана, традиция внесла в исходный колдовской сюжет религиозные коррективы, перекодировав первоначальную мотивировку сюжета состязания сильного и слабого

колдунов на сюжет состязания христианского и языческого магов. Фольклорный сюжет состязания Степана с тунами, в свою очередь, имеет несомненное сходство с эпизодом «прения» Стефана Пермского с волхвом Памом-сотником из ЖСП, и, соответственно, более ранним версиям поединков св. Павла с Елимою волхвом и св. Петра с Симоном Магом, также упоминаемых Епифанием. Структурно поединок, описанный Епифанием, состоит из «прения» – диалога противостоящих сторон – и процедуры Божьего суда (ордалии) – испытания противников огнём и водой. Символический смысл ордалии заключается в прямом вмешательстве Бога в дело одной из противоборствующих сторон ради подтверждения истинности веры этой стороны, поэтому победа в ордалии выглядит как форма Богооткровения, чудотворный дар харизматическому подвижнику. Интерес представляет реплика волхва Пама о том, что Стефан, видимо, более сильный колдун, чем он сам. Таким образом, очевидная для Стефана процедура Божьего суда воспринимается им как вариант состязания в магии.

В связи с этим нами были рассмотрены устные нарративы, сюжетная схема которых состоит из двух основных элементов – диалога и колдовского состязания. Анализ показал, что в основе этих сюжетов лежит вера в магические силы оппонентов, хотя одним из них, более сильным, является Степан. Таким образом, несмотря на формальное сходство рассмотренных нами литературного и фольклорного сюжетов, они не равны друг другу, поскольку в первом случае семантической основой является тема испытания веры, а во втором – тема испытания колдовской силы. Если первая тема предполагает идею личной верности Богу и его ответное содействие, то вторая предполагает наличие личных магических качеств и умений. Поэтому волхв Пам и святитель Стефан Пермский по-разному видят сущность ордалии: для Стефана это – суд Бога, которому он ревностно служит, для Пама – состязание в магии, и отсутствие в его фонде личных колдовских умений заговоров на огонь и на воду вынуждает признать волхва своё бессилие в данном испытании. Исследование показывает, что фольклорно-мифологическое сознание усвоило именно точку зрения Пама на ордалию как на состязание в магии. Соответственно, книжный сюжет Божьего суда включился в привычную матрицу мифологической наррации.

Интеграция сюжета христианизации и связанного с ней образа Стефана в систему языческой коми культуры не могла произойти одновременно, скорее можно представить длительный процесс усвоения и присвоения системой нового семантического поля, до этого ей неизвестного. В результате сама система претерпела настолько существенную перестройку, что изменила свои первоначальные параметры. Фактически, образ Стефана выполнил функцию аттрактора (притяжателя), смысловое поле которого смоделировало новую системную организацию культуры, привлекая в качестве базовых как смысловые

структуры русского православия, так и структуры прежней языческой системы. Вместе с тем, перестроившаяся система по мере усвоения уже сама моделирует образ Стефана и строит свой сюжет христианизации в соответствии со своими нуждами. Семантический диапазон образа Степана-крестителя достаточно широк и включает одновременно значения, связанные с общерусскими представлениями о святых и святости, с определёнными житийными чертами св. Стефана, и значения, связанные с пережитками языческих представлений, поэтому в разных текстах Степан выступает в качестве святого или мага, а иногда того и другого одновременно. Выбор любого из этих значений обусловлен предпочтениями локальной традиции, однако следует отметить, что преобладает магическая доминанта образа Стефана. Произошла перекодировка основных понятий, в результате чего святое подвижничество Стефана Пермского было усвоено фольклорным сознанием как проявление великой магической силы, с помощью которой он побеждает чудскую веру и языческих колдунов.

Сюжет христианизации в творчестве первых коми писателей во многом строится согласно версии Елифания Премудрого. Он сохраняет основные смысловые координаты ЖСП, включая общую структуру его сюжетной линии, имена героев, меняется только позиция автора, который оказывается, в отличие от Елифания, на стороне языческих персонажей. Сюжет христианизации коми народа был впервые использован в драматической поэме основоположника коми литературы Ивана Куратова «Пама». Анализ поэмы выявил изменения в замысле произведения – выдвигание на передний план образа главного противника крещения – языческого жреца Памы. В романтической концепции И. А. Куратова тема противостояния Стефана и Памы в связи с крещением коми народа из исторического плана раздвигается до уровня космической идеи, соотносящей судьбу народа с жизнью вселенной; выявляется трагизм главного героя поэмы, который в своём противостоянии новому мироустройству обречён на тотальное одиночество и вечное осуждение. Проблема героя проецируется на авторское сознание – сам Куратов так и не смог решить, в чём была истина, принесённая на коми землю Стефаном, во имя которой коми люди отrekliсь от своих богов. Однако исследование показывает, что значение этой неоконченной драматической поэмы Куратова просматривается в иной плоскости – в произведении впервые был поставлен вопрос о национальном характере, национальном герое коми. На этапе становления коми литературы тема христианизации становится почвой для обретения автором национальной идентичности, а для коми словесности – специфических национальных черт.

Впервые эта тема привлекается к художественному осмыслению в творчестве И. А. Куратова. Размышляя над ней в поэме «Пама», Куратов выдвигает в качестве национального героя эпохи главного противника христианизации –

языческого жреца Паму (Пам сотник Епифания Премудрого), который остаётся верен своему долгу, предпочтя изгнание, но не предательство веры и обычаев отцов.

В творчестве Каллистрата Жакова происходит воскрешение языческой истории, ключевым образом которой является Пам Бурморт, сын Пама сотника. К. Ф. Жаков как этнолог использует фольклорные материалы в реконструкции архаической картины мира коми, которую использует в качестве идеологической доминанты своих произведений. Языческий мир Жакова коррелирует с творческими поисками русской культуры Серебряного века, с её интересом к теософии, мифологии, мистике, а также является выражением общего мироощущения коми человека, национального идентитета.

Обращение к языческой составляющей сюжета христианизации показало со всей очевидностью, что в интеллектуальной среде коми народа существует иное понимание прошлого, отличное от его официальной интерпретации. Со всей наглядностью оно проявилось в творчестве ряда коми писателей конца XX – начала XXI вв., отразивших взгляды коми интеллигенции, видевшей в языческом прошлом бытие «чистой» этнической и культурной идентичности, разрушенной христианизацией. С этой точки зрения, привлекательность образа Пама как национального героя обусловлена тем, что за ним стоит тайна исторического прошлого коми народа, а обращение к ней – не что иное, как отражение поиска коми интеллектуальной элитой утраченной культурной памяти.

Таким образом, сюжет христианизации коми народа, репрезентированный в рассмотренных фольклорных и литературных текстах, является прямым и органичным развитием епифаниевской традиции изображения событий крещения. Вместе с тем оценочное содержание епифаниевского сюжета в ходе его реализации в художественных системах фольклора и литературы получает новые аксиологические смыслы, зачастую противоположные первоначальному, при этом не утрачивая с ним связи.

Дальнейшей перспективой работы по этой теме может стать расширение материала исследования. «Кризис атеизма», который общество переживало в начале 1990-х годов, вызвал к жизни широкое обсуждение проблем религии. В частности, на поверхности вновь оказались вопросы, связанные с христианизацией Коми края и роли в ней Стефана Пермского. В ходе дискуссий высказывались разные мнения об этой миссии, изменившей ход истории коми народа, давались разные оценки, часто довольно негативного характера. В дискуссии включались и писатели, откликнувшиеся на них рядом произведений. Это были как уже известные авторы – Г. А. Юшков, написавший в это время свою историческую трилогию, В. В. Тимин, – а также те, кто только ещё вступил на писательское поприще – Ю. А. Екишев, А. Н. Расторгуев, С. В. Журавлёв, О. И. Уляшев. Их

усилиями в период с начала 1990-х годов по настоящее время создана целая галерея произведений о христианизации народа коми различных жанров – от переложений епифаниевского сюжета для детей до романских эпопей. Эти произведения наследуют сюжет христианизации Епифания Премудрого, вместе с тем, они предлагают новые оценки тех событий и новых героев. Необходимой представляется разработка новых подходов к интерпретации этих нарративов, изучения проблем передачи и наследования литературной традиции.

Подводя итоги, следует сделать вывод, что цель диссертационного исследования в изучении и анализе совокупности нарративов христианизации, выявлении их значения в формировании коми литературной традиции и культурной идентичности коми народа была достигнута.